

Л. П. Никитенкова
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается религиозный аспект в политике российского самодержавия на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX вв. Отмечена на основе высказываний евразийцев значимая роль православия в духовной жизни общества. Показаны разновекторные мнения властьдержущей элиты на политику в западных губерниях с учетом этноконфессиональной принадлежности. Показаны послабления со стороны государства относительно старообрядцев, компактно проживавших в восточно-белорусских губерниях. Отмечены те шаги правительства начала XX в., которые свидетельствовали о создании более свободных условий для деятельности различных конфессий.

Национально-государственные интересы Республики Беларусь выстраивались и выстраиваются сегодня, независимо от геополитической ситуации, на основе концепции межкультурного диалога в целях использования достижений практики мирового общественного строительства. Глобализационные процессы не умаляют значимости особенностей нации, необходимости изучения своеобразия исторического пути развития народа. Понимание собственного прошлого, адекватная его интерпретация, правильный выбор приоритетов – вот одно из обязательных условий формирования устойчивого этноса. «Историческая память является одной из фундаментальных основ национального самосознания» [1, с. 87]. Правда, современные процессы интеграции всё больше ориентируют массовое общественное сознание жителей восточнославянских регионов на европейский вектор [2, с. 69]. Но сотрудничество не должно перерасти в засилье национальных идей со стороны заимствованных.

Государство и религия – две важнейшие составляющие развития восточнославянского этноса. Интерес к данной проблеме обусловлен значимой ролью церкви в формировании общественных норм поведения и жизни, потому что она вырабатывала стандарты и правила поведения. Это объясняется близостью данного института ко всем слоям общества и возможностью донести до них информацию.

Российская империя второй половины XIX – начала XX вв. – это многонациональное, многоконфессиональное государство. Основой идеологии оставалась триада: православие, самодержавие, народность. Представители евразийского движения 20–30-х гг. XX в. считали, что в русской истории роль созидательного стимула могло сыграть лишь православие.

«Религия есть исповедание догматов; она исполнена чувством их значительности и смысла; она – живое чутье Богооткровения, выделяющее главное от не главного, но твердо держащее все. Религия – это трепет, трепет души перед Господом, трепет почитания перед Символом, Таинством, даже знаком имени Христа. Религия – единство, сопрягающее живых и мертвых, прошлое, настоящее и будущее. В свете религии познается национальность; в нем святая Русь ощущается как предыстория; религиозное брение XIX века – как начало, осуществляемое во времени трудном; и познается, что напряжением и верою большее дано свершить впереди» [3]. Особенность русского православия заключалась для евразийцев в его отношении к религиозности, основанной на опыте, практике. Быт в православии освящен, символика является реальностью, обряд – это общение с Богом: «Россия жила бытовым исповедничеством своей веры; быт являлся формой русской религиозности, «истинным смотрением Божиим», и церковь на него опиралась» [4]. «Весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составляли одно («бытовое исповедничество»), в котором и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы – системы, теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого» [5].

По мнению евразийцев, именно православие может стимулировать развитие национальной культуры в определенном направлении, при этом, не упраздняя самобытности и своеобразия данной культуры, будучи выше рас и культур в отличие от иудаизма, связанного с определенной расой, мусульманства, связанного с определенной культурой, буддизма, враждебного к культурному делению. Евразийцы выступали за единство церкви, общение между отдельными поместными церквями, которое возможно и без культурного единства [6].

Вторая половина XIX века характеризуется интенсификацией всех сторон жизни. Увеличивается количество передачи информации, ее разноплановость. Государство, взявшись за проведение буржуазных реформ, активно сотрудничает с местной администрацией. В этих условиях резко возрастает и значение религиозного фактора, как основы идеологии государства.

Основными христианскими религиями на белорусских землях были православие и католицизм. Их влияние на местное население носило не только религиозный, но и религиозно-политический характер, так как значительное влияние на конфессии оказывала политика самодержавия. Период гласности, начавшийся с воцарением Александра II, способствовал появлению разновекторных точек зрения по наболевшим вопросам современности. «С переменой царствования почувствовались совершенно новые веяния; общественное мнение подняло голос; громко заговорили о несостоятельности прежней системы, о необходимости радикальных преобразований во всех частях государственного строя», – писал Д. Милютин (военный министр в 1861–1881 гг.) [7, с. 424].

Православие в рассматриваемое время продолжало сохранять господствующее положение в Российской империи и являлось цементирующим камнем самодержавия и народности. Еще Свод законов Российской империи 1832 г. юридически завершил процесс присоединения православной церкви к государству. Государь не мог исповедовать другую веру. Закон именовал его верховным «защитником и хранителем догматов». В Своде законов

по этому поводу говорилось: «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная католическая восточного исповедания» [8].

В Своде законов особое место занимали правовые нормы, охранявшие православие. Местные власти на местах обязывались наблюдать за благочинием служб, охранять «мир и тишину» Православной Церкви. Закон не допускал публичного оглашения в суде любых данных, компрометирующих церковь. Порицание христианской веры, церкви и Священного писания наказывалось каторжными работами. Православная Церковь имела в полном праве неограниченно заниматься миссионерской деятельностью [8].

Православная церковь была активной силой в поддержании порядка на территории империи и прежде всего в приграничных регионах, одним из которых являлись белорусские земли. Специфика приграничья состояла в том, что из-за особого отношения государства к своим внешним границам эти регионы неизбежно вплетены в сложнейшую комбинацию факторов, связанных с политикой, экономикой, безопасностью. Любая нестабильность в приграничных регионах самым негативным образом сказывается на интересах всего государства. Все это правительство почувствовало в ходе восстания 1863–1864 гг. и поэтому приложило все усилия для его скорейшего подавления. Реакция Запада и постоянное влияние эмиграции, находившейся в Париже, и «злоупотреблявшей своими связями, богатством, влиянием для поддержки непрерывного возмущения польских подданных российского императора» [9, с. 46] не могли не отразиться на выработке правительственного курса в отношении к разным конфессиям на западных территориях. В своих дневниковых записях П. Валуев, министр внутренних дел Российской империи в 1861–1868 гг., утверждал, что, хотя большинство населения западных губерний русское и православное, главенствующую роль там играет польский элемент в силу своей образованности и материальной обеспеченности [10, с. 345]. Отсюда симпатии в правительственных кругах к польскому дворянству и «противодействия жестокому самоуправству М. Муравьева в Западных губерниях», – как отмечал в своих «Записках для немногих» А. Головин (министр народного просвещения в 1863–1866 гг.) [11, с. 126]. Оппоненты М. Муравьева ориентировались на дворянство как на опору самодержавия без учета этноконфессиональной принадлежности и считали все проводимые виленским генерал-губернатором реформы, противоречащими основам европейской цивилизации [12, с. 74]. «Муравьев при всем уме и знании – татарин», – такая характеристика была дана П. Валуевым [10, с. 234]. М. Муравьев же о П. Валуеве писал следующее: «Валуев, человек не без способностей, но космополит и преданный одною мыслию и желанию воспользоваться европейской известностью и похвалой, хотя бы то было со вредом для России» [13, с. 74]. П. Валуев не упускал случая указать императору на недостатки в работе виленской администрации. Но действия М. Муравьева были поддержаны императором. В основе всей административной деятельности М. Муравьева лежало отождествление национальности с вероисповеданием. [14, с. 90]. Православные братства были той общественной силой, которая всегда помогала Российскому государству в противостоянии польско-литовскому влиянию. С лета 1863 г. православные братства «начали организационно оформляться в Минской и Полоцкой епархиях... В 1867 г. было образовано Николаевское братство в г. Бресте, действовавшее на основании утвержденного епархиальными властями и гродненским губернатором устава, в котором строго прописывались права и обязанности членов братства, Совета братства, председателя и казначея» [15, с. 48]. Понятно, что основной вектор деятельности организации направлен был на укрепление православной веры в регионе за счет просветительской работы прежде всего. Очень активно стали создаваться и работать церковно-приходские школы.

В восточно-белорусских губерниях (Витебская, Минская, Могилевская) достаточно компактно проживали старообрядцы, которые в событиях 60-х годов идейно оказались на стороне правительства. С этого времени можно видеть послабления в адрес староверов со стороны государства. Дается разрешение на открытие молитвенных домов, нанимать вместо себя в рекруты людей, не принадлежащих к их секте, образовывать школы грамоты и отправлять детей в общеобразовательные школы. Появляются постановления, облегчающие

старообрядцам исполнять свои духовные обряды [16, с. 95–96]. Но не только политические события повлияли на лояльность царизма относительно этой категории верующих. Российское самодержавие осознало значимость старообрядческих капиталов для укрепления экономики страны. Да и быстрое развитие капиталистических отношений все больше заинтересовывает верхушку старообрядчества в установлении мира и понимания с правительством. Как отмечал историк и публицист князь П. В. Долгоруков еще задолго до развития капитализма: «Долгие преследования и постоянная борьба воспитала в них (старообрядцах) гражданское мужество, самообладание и здравый смысл. Они поняли, что деньги – сила, что без них нет свободы, а это убеждение сделало их трудолюбивыми, расчетливыми и воздержанными» [17, с. 10].

В рассматриваемый промежуток времени государство относительно католиков проводит политику ограничений. Что касается мусульманского и еврейского населения и их духовных наставников, то российское правительство относительно их конфессий кардинальных мер не принимало.

Как мы видим, в конце XIX – начале XX вв. церковь была теснейшим образом связана с государственной системой, потому что была и оставалась опорой существовавшего политического строя. Но в это время имела место «противоречивость политики российского правительства в отношении к православной церкви, которая заключалась в том, что она, с одной стороны, пыталась активизировать деятельность церкви, а с другой, усиленный контроль за этой деятельностью практически лишал церковь автономии даже в решении своих внутренних вопросов» [18, с. 39].

Православная церковь поддерживалась правительством на протяжении всего рассматриваемого времени. На рубеже XX в. в системе ведомства православного вероисповедания на белорусских землях действовали «... в литовской и Виленской епархии одна семинария и два училища, в них обучались 484 человека; в Минской и Туровской – одна семинария и три училища с количеством учащихся 635 человек; в Могилевской и Мстиславской – одна семинария и четыре училища с контингентом обучающихся 698 человек; в Полоцкой и Витебской – одна семинария и два училища с численностью учащихся 485 человек» [19, с. 86–87]. «Звучали предложения о реформировании духовных учебных заведений, прежде всего церковно-приходских школ, которые следовало устроить по примеру общеобразовательных светских заведений с дополнительными классами или курсами, предназначенными специально для желающих посвятить себя церковному служению» [18, с. 41].

Революционные события начала XX века подтолкнули правительство на реальные шаги относительно верующих. Появляется закон 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания в России и манифест 17 октября 1905 г. о свободе слова, печати, собраний, веры и т.п. Эти документы подтвердили положение православной церкви как господствующей, но вместе с тем были созданы более свободные условия деятельности других конфессий. Парламент Российской империи рассматривал конфессиональные проблемы в своей работе. П. Н. Милюков, лидер партии конституционных демократов, отмечал: «Свою деятельность по вероисповедным вопросам Третья Дума начала с очень многообещающих предположений. В основу были положены три правительственных проекта, вносящие в эту замкнутую сферу принципы свободы совести. Один из них покончил даже с монополией господствующей церкви, допуская свободный переход из неё в другие исповедания, включая даже перемену христианской веры на нехристианскую. Другой законопроект снимал преграды, упорно разделявшие старообрядчество от официальной церкви. Открытие старообрядческих общин освобождалось от необходимости разрешения, а производилось путем простого заявления об этом. Старообрядческое духовенство получило право называться «священнослужителями» [20, с. 57]. Окончательно этот закон был утвержден в 1913 году.

В легальной белорусской газете «Наша ніва» принцип веротерпимости отстаивался, потому что в нем виделся залог объединения верующих разных религиозных направлений с целью подъема экономики, развития культурно-национальных традиций белорусов.

Межрелигиозные противоречия в западных губерниях к началу XX века имели многовековую историю, существовали уже сложившиеся прочные традиции, которые

закрепились в виде предрассудков в общественном и индивидуальном сознании. И эти моменты использовались царизмом для разжигания национализма. Прогрессивные деятели Российской империи подвергали основательной критике распространенное заблуждение об отождествлении конфессиональной и этнической принадлежности, то есть религиозного и национального. Один народ может придерживаться различных религий, как это имеет место на белорусских землях.

Источники и литература

1. Козловская, Н. В. К вопросу о концептах: историческое сознание и историческая память / Н. В. Козловская, Н. Л. Мысливец // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. – 2015. – № 1. – С. 78–88.
2. Чарота, И. А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов / И. А. Чарота // Социология. – 2015. – № 1. – С. 69–81.
3. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/kontinent-evraziya-read-200591-1.html>. – Дата доступа: 16.06.2022.
4. Савицкий, П. Н. Географические и геополитические основы евразийства / П. Н. Савицкий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm>. – Дата доступа: 20.06.2022.
5. Трубецкой, Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/56785>. – Дата доступа: 15.06.2022.
6. Пушкин, С. Н. Евразийский взгляд на цивилизацию / С. Н. Пушкин // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 24–34.
7. Милютин, Д. А. Воспоминания. 1843–1856. / Д. А. Милютин. – М.: Российский архив, 2000. – 527 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nlr.ru/e-res/law_r/content. – Дата доступа: 15.06.2022.
9. Захарова, Л. Г. Россия XIX века в мемуарах Д. А. Милютина / Л. Г. Захарова // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 37–49.
10. Валуев, П. А. Дневник министра внутренних дел / П. А. Валуев : в 2 т. – М.: Наука, 1961. – Т. I : (1861–1864). – 352 с.
11. Головнин, А. В. Записки для немногих / А. В. Головнин // Вопросы истории. – 1997. – № 9. – С. 121–133.
12. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в 1860–1870-х годах: «система» М. И. Муравьева и его дальнейшая судьба // А. А. Комзолова // Отечественная история. – 2004. – № 4. – С. 62–81.
13. Гетманский, А. Э. Петр Аркадьевич Валуев / А. Э. Гетманский // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 72–78.
14. Ананьев, С. В. Деятельность М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае. 1863– 1865 гг. / С. В. Ананьев // Вопросы истории. – 2013. – № 8. – С. 89–95.
15. Чуль, Р. В. Политика Российского правительства в отношении православной конфессии на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX века. / Р. В. Чуль // Вестник БарГУ. Серия. Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – 2017. – Выпуск 5. – С. 46–50.
16. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грырог'ева, У. М. Завальнюк і інш. – Мн.: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
17. Из записок князя П. В. Долгорукова. – М.: Вагриус, 1997. – 338 с.
18. Табунов, В. В. Православное духовенство белорусских земель о положении церкви и ее реформировании в конце XIX – начале XX ст. / В. В. Табунов // Веснік Магілёўскага

дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2022. – № 1 (59). – С. 39–43.

19. Табунов, В. В. Положение православных духовных семинарий в Российской империи и на белорусских землях конца XIX – начала XX века / В. В. Табунов // Русский сборник: исследования по истории России / ред.– сост. О. Р. Айрапетов и др. Т. XII. – М.: Издательский дом «Региум», 2012. – С. 86–95.

20. Милюков, П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков : в 2 т. – М.: Современник, 1990. – Т. 2. – 446 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ